

ТАТЬЯНА ЗУБКОВА

ПАНАКЕЯ. КНИГА 2.
РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАЦИЯ. ИШТАР.
ЛЮБОВЬ

Татьяна Зубкова
Панакея. Книга 2. Российская
федерация. Иштар. Любовь
Серия «Международный
фестиваль Бориса и Глеба»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42908890
Панакея. Книга 2. Российская федерация. Иштар. Любовь:
Интернациональный Союз писателей; Москва; 2019
ISBN 978-5-00153-059-6

Аннотация

Роман «Панакея» охватывает период с XVI по XXI век и носит элементы как исторического романа, так и фэнтези. Как Панакея, дочь бога медицины, персонификация исцеления, так и женщины, героини романа, лечат и тело, и душу. Действие происходит в Российской Империи («Книга 1. Российская Империя. Пламя Табеты»), Советском Союзе и Российской Федерации («Книга 2. Иштар. Любовь» и «Книга 3. Гея. Земля»), Англии, Мальте, Израиле, Китае, Украине. Жизнь – это бесконечная череда событий, в которой все повторяется на новом витке и всегда есть Герои, воевавшие за честь Родины, и те, кто любил их.

Содержание

Об авторе	6
Часть 4	8
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Татьяна Зубкова

Панакея

Книга 2

Российская Федерация

Посвящается всем героям, а также тем, кто любил их.

Молитва благоверным князьям Борису и Глебу

О двоице священная, братия прекрасная, доблии страстотерпцы Борисе и Глебе, от юности Христу верою, чистотою и любовью послужившии, и кровью своими, яко багряницею, украсившиися, и ныне со Христом царствующие! Не забудите и нас, сущих на земли, но, яко тепли заступницы, вашим сильным ходатайством пред Христом Богом сохраните юных во святей вере и чистоте неврежденными от всякаго прилога неверия и нечистоты, оградите всех нас от всякия скорби, озлоблений и напрасныя смерти, укротите всякую вражду и злобу, действием диавола воздвигаемую от ближних и чуждых. Молим вас, христоролюбивии страстотерпцы, испросите у Великодаровитаго Владыки всем нам оставление прегрешений наших, единомыслие и здравие, избавление от на-

шествия иноплеменных, междоусобныя брани, язвы и глада. Снабдевайте своим заступлением страну нашу и всех, чтущих святую память вашу, во веки веков. Аминь.

Об авторе Павлова Татьяна Васильевна

Имею высшее медицинское образование, заведую кафедрой патологии НИУ «БелГУ». Профессор, доктор медицинских наук, член Европейского общества патологов и ряда других обществ и организаций. Мною написано и опубликовано около 500 научных работ, в том числе 10 монографий. Под моим руководством защищено 30 кандидатских и докторских диссертаций.

Пишу художественную прозу и стихи всю жизнь. Публикуюсь под псевдонимом Татьяна Зубкова.

Я взяла фамилию моих предков с дворянскими корнями, живших когда-то в том числе и в Белгороде, куда я была приглашена для участия в основании медицинского факультета.

Мною опубликованы романы «Адам и Ева после ада» («Звонница», Москва, 2016), «Город имени ветра» («Издательство Интернационального Союза писателей», Москва, 2017) и ряд рассказов.

Пишу картины и устраиваю выставки.

От автора.

Часть 4

Иштар. Любовь

*«Любовь – это... проявление бессмертного
начала в существе смертном»*

Платон

«Любовь – это энергия жизни»

Роберт Браунинг

*Посвящается моей бабушке Елизавете
Поликарповне Зубковой (Мишениной)*

Глава 1

Последняя четверть XX века. Смайл

Я продолжала стоять на дороге. Судорога свела мою левую ногу, но я не упала. Осознание происходящего уже пришло ко мне. Видела я чётче, значит, давление несколько снизилось. Пот перестал бежать между лопатками: наверное, за столь короткий срок моё тело потеряло всю воду! Я не дёргалась – и вспоминала.

Всю мою историю до переезда в Россию я тщательно убрала в какие-то дальние уголки памяти, как стараются забыть о прежнем месте проживания переселенцы, обрубая концы, выбрасывая мешки фотографий, продавая и раздаривая вещи. Когда мой друг Борис эмигрировал в Израиль, он реализовал и преподнёс на память друзьям все свои картины, которые были слишком тяжелы, чтобы брать в самолёт. С собой он забирал: двух дочерей, русскую жену, документы, по четыре необходимых предмета быта: тарелки, кружки, ложки, минимум вещей. Также с ним уехали: так необходимые, но более дорогие на новой родине скатанные в рулоны холсты, кисти и краски. Пусковым моментом к переезду явился тяжёлый сахарный диабет у младшей дочери при проблемах с инсулином и диетической пищей на территории нищей Украины. Перед этим он, как последний бонус, чтобы остаться, окрестился. Но это не улучшило положение.

Мне и с вещами, и с памятью было несколько легче. К тому же ехать было ближе. Большинство предметов из моего гардероба я отдала соседке, которая работала волонтером в организации, собирающей пожертвования для нуждающихся: таких было немало! Я и не представляла, что одежды у меня столько, пакуя в мешки. С собой брала: три пары обуви, несколько платьев и одно осеннее пальто, которое не выдержало тендер в моей новой жизни и было выброшено. За ним вскоре последовали и остальные тряпки. Уезжали со мной также ворохи научных бумаг, так как тогда ещё не всё было оцифровано, научные образцы, которые так и не стали трендом сезона и через много лет я выбросила все коробки с ними; фотографии, картины друга, а также самые дорогие мне сувениры. Оставляла немногих друзей, так как остальные к этому времени покинули Украину, старую собаку у друзей, чего мне долго не мог простить мой сын, дом в деревне, который из-за отсутствия денег у населения невозможно было продать, а также память о прошедшем. Увозила я и своего приятеля, почти мужа, так как пожениться мы решили после переезда. Именно он стоит теперь на дороге и целится в меня из автомата. Чуть больше, чем через год, когда я обрела свою родину, я обрела и любовь. О ней я и вспоминаю сейчас, стоя на дороге, чтобы она согрела, а лучше – спасла меня! Мне трудно поверить в то, что прошло уже столько времени!

Первая после переселения зима была очень холодной. Я мёрзла в новой квартире, в которой дуло из всех окон, как их

не заклеивай, а «родные» радиаторы батарей почти не грели. Зябко было и на работе. Какой я тогда была? Почти такой же, как сейчас. Предпочитала «Шанель № 5», но для меня это было дорого. Хорошую новую игрушку для взрослых на четырёх колесах позволить себе не могла. Работы Ван Гога видела только в Эрмитаже. Хотя уже не курила, но повторяла фразу: «Для чашки кофе и сигареты всегда можно найти время». Мне было ближе к сорока. Рост – выше среднего. Цвет глаз у меня по-прежнему меняется в зависимости от обстановки: в эротических ситуациях они становятся зелёными, а когда градус отрицательных эмоций повышается – почти чёрными, но чаще они – ореховые. В то время была брюнеткой с волосами до плеч. Имела степень доктора наук по специальности «Фармакология». Разрабатывала новые направления в экспериментальной фармакологии. Только что получила кафедру. Точнее будет сказать: получила документально подтверждённое право её создать. Были и хобби: бегала не только во сне, плавала преимущественно в бассейне. Ещё не путешествовала, так как денег на это не было. В связи с новым местом работы мне презентовали квартиру на двоих с сыном, которую я тогда считала роскошной, а теперь – вполне приличной. Производила впечатление лёгкой, мало работающей, незаслуженно преуспевающей. А про кого говорят, что он преуспевает заслуженно?

Накануне временной точки «А» в этой love story вечером мы с друзьями сидели в клубе, хотя это случилось крайне

редко. Вошла группа мужчин, явно военных, и один, с хрустальными глазами, так посмотрел на меня снизу вверх! Но его друзья, решили увести его куда-то, отсекали от меня. И – ушли. «А жаль!» – подумала я, подруливая к университету. Обычный коридор, лица, традиционное «здрасьте!» – студентам, «здрасьте!» – уборщице. «И вам тоже здрасьте!» – опять студентам. «И вы здравствуйте! – гардеробщице. – Здравствуйте. Здравствуйте. Здравствуйте!» Ох! Устала! Хоть бы быстрее заскочить в кабинет и перевести дух! Такое впечатление, что я им здоровья желаю, а они из меня силы высасывают! Американский стиль «Smile!» – «Улыбайся!».

Усмехайся всегда. Ухмыляйся – хорошо тебе или выть хочется! Стиль, который только входит в нашу действительность, был близок мне всегда. В аспирантуре меня называли: «Девочка, которая всегда улыбается». А у меня проблем тогда было как личных, так и рабочих – не счесть. Но в рамках начинавшей вырабатываться американской манеры на вопрос: «Как дела?» – уже следовало отвечать, как в советских стихах тридцатых годов:

И когда оледенели два крыла,
У нас опять узнать хотели: «Как дела?»
И ответ донёсся краткий: «Всё в порядке!»

Так и стараемся жить: с русским духом стенания в душе и дорогой во всех смыслах голливудской улыбкой на физиономии! Дух компьютеров со «смайликами», с миллионами

рожиц на гаджетах тогда ещё не вошёл в нашу действительность. Но всё равно: улыбалась, даже когда болела голова, были стёрты ноги плохими туфлями, когда оставалась одинокой, не было денег или даже, особенно гордо, под дулом автомата! Позже в обиход вошла фраза: «Не дождётесь!» – будто все всем желают зла! А может, это правда?! Но – улыбайтесь! По выстрадаанным глазам и неулыбчивым ртам нас узнают за границей! Мой личный статус вне России сильно возрос: раньше меня принимали за польку, теперь – за немку, и всё благодаря «Smile!» Поэтому – сушите бивни! Кто не умеет печь пироги – не спечёт и на бис! Сияйте белыми зубами везде и всегда! Не зря так дорога стоматология! И тогда мир начнёт улыбаться вам, а может – оскалится! На вопрос: «How are you?» – то есть как ты там, тётка: детки-подлецы опять хамят? Мужик, подлец, нажрался? Денег нет не то что на тачку новую – на еду? – не надо долго плакаться, а на равнодушный вопрос ответьте просто: «All right, Райка!» Правда, с именем, в отличие от вечно молодой, как и сама Орлова, комедии «Цирк», возможны другие варианты: «Танька, та, что громко плачет, Катька, та, что ходила с офицерами, Ольга, та, которую скоро полтора века любят в опере „Евгений Онегин“». Список можно продолжать до бесконечности. Или ещё до чего-то.

Как в анекдоте, который когда-то рассказывал мой папа: «Отец Никодим, отец Никодим! Сколько пива выпьете?! – До бесконечности, плюс три литра! – Так ведь бесконечность

– это больше, чем три литра! – Кто её знает, эту бесконечность! А три литра – эти уж точно мои!» И действительно: кто представляет эту вневременность, даже после изучения физики-математики в школе и в вузе! В ответ на электронное письмо или СМС пошлите смайлик! Улыбайтесь! И мир, может, всё же станет лучше и добрее! Сожмите зубы, обработанные хорошим стоматологом и пастой, раздвиньте губы с гримом от «Ив Сен-Лоран», «Кристиан Диор» или что вам подходит по вкусу или кошельку, и – молчите! Время нытья, жалоб и длинных разговоров закончилось и у нас! Уйдите на фитнес или – к священнику. Многие уже пошли, так как последнему платить не надо, как и подруге, в отличие от психоаналитика или, как модно называть в современной стране, психолога (чаще самого – неудачника). В крайнем случае напейтесь в одиночку, как говорил мой бывший начальник: «Под одеялом». Но не плачьте даже в подушку, а – улыбайтесь! Признаюсь вам: это очень утомительно. Поступайте престижно! Моя старшая подруга, когда я защитила кандидатскую, сказала: «Теперь твой статус обязывает: иметь хорошую мину при любой погоде, бегать только в спортзале или в парке, а не за трамваем, мужчиной или кем-то там ещё, носить шубу и улыбку!» Нет её больше! И – очень жаль!

Памятуя о её словах, я красиво продефилировала до кабинета. Но когда замаячила спасительная вывеска с моим статусом, вставить ключ в дверь и сжать губы мне помешала уборщица, выпалив: «Можно полики помыть?!» Не пере-

вести мне дух!.. «Конечно!» – вежливо так выдавливаю из себя. Итак, кофейку сразу не хлебнуть: привычка – с аспирантуры, когда все собирались дефицитную тогда «арабику» вкусить перед интеллектуальной работой. Её наш начальник менял у заведующей ресторана на лабораторный, на вполне пригодный для внутреннего употребления спирт. Пили её, душистую, себе в удовольствие – сваренную в жезле на спиртовке. Что там современная кофе-машина! Параллельно курили: шеф – трубку с голландским табаком, я – не фейковые «Мальборо». Мечтали о Нобелевской премии, и в этом было вполне рациональное зерно: в ведущем направлении были мы и американцы. Но нас в дальнейшем, вместе с иммунологической лабораторией и блоком информатики, сократил директор по наводке его заместительницы по науке.

А с моей уборщицей у меня долго была классовая вражда: мои пять-шесть пар обуви, преимущественно на громадных шпильках, под столом она пинала грязной тряпкой, приговаривая при этом: «Сколько же у неё туфель, если на работе столько стоит?!» Но теперь, после ряда моих одолжений ей, – уже не ворчала: «Какие туфельки! Мы вот их остороженько переставим!» Ладить с людьми надо. Не хамить! Кстати, моей уборщице было лет пятьдесят и у неё высшее экономическое образование. Не скажешь: «Кто на что учился!»

Тему, которую мы тогда разрабатывали в только что созданной в Москве лаборатории в одном из НИИ, который до сих пор существует и теперь называется Институтом, кроме

нас затронули американцы, причём значительно отставая от нас. Шеф был, как тогда говорили, «выездной» и «с языками». Основоположник целого направления. Свои монографии, пять «переводных» с английского и немецкого. Однажды мы хлебнули вечером всё тот же, настоящий на калгане, грамотно, до сорока градусов разбавленный спиртик. Он теперь так облагорожен и реабилитирован благодаря известному фильму «Собачье сердце» – книгу мало кто из широких кругов населения читал, – в котором профессор Преображенский вещает: «А Дашенька правильно разведёт...» Итак, приняли. Самодельным сальцем на чёрном московском «Бородинском» хлебушке закусили. И шеф мечтательно так сказал: «Хочу в Париж!» А я, уже чуть-чуть захмелевшая, подыграла фразой из известного анекдота: «Опять?» Но он, оказывается, действительно два раза был там на конгрессах, что тогда было равноценно признанию в стоящем рядом новом собственном «Мерсе». Это сейчас этим не удивишь российских граждан!

Где она, эта аспирантура?! Ау! В прошлом. Почти в бесконечности. Где шеф? В Германии, и известен в очень узких кругах. В частности за то, что знает немецкий лучше немцев и воображает себя святее папы римского в науке. «Нобелевскую» уже вряд ли получит, потому что ни школы, ни своей лаборатории, ни учеников, ни друзей у него там нет и не будет. По большому, да и по малому тоже, счёту, мы там никому не нужны. Немцы считают себя носителями идей в

мировой науке и культуре. Но это я тоже узнала позже. А шеф по-прежнему курит свой голландский табак, каким никого там, да и у нас теперь уже тоже, не удивишь. Вечерами заходит в шикарный супермаркет, где продаётся всё: от русской икры до немецких колгот отличного качества, покупает маленькую бутылочку шотландского виски Ballantines и выпивает. Как известно, этот напиток может быть только шотландским, как и осетрина первой свежести!

Глава 2

Пятьдесят стран для покупки обуви

Туфель у меня теперь много! Покупаю их в основном за границей, куда более-менее регулярно выезжаю на конгрессы, школы, стажировки и просто чтобы активно отдохнуть. Недавно пересчитала, что была уже более чем в пятидесяти странах. Есть и особые любимцы: Англию люблю. Редко завидую, но как-то была на стажировке в Оксфорде – необыкновенной красоты, комфортности и ауры город! А нагрузки на работе – скорее разгрузки от отдыха! Профессора одну-две лекции в неделю читают, и никаких коробок бумаг, мегабайт и киловатт не переводят! Ходят, такие расслабленные, по древнему городу и сидят в древних кофейнях. Когда пишут монографии – путешествуют, чтобы хорошо думалось. Любимая фраза англичан: «Весь мир – наша раковина!» А распродажи какие в Англии! Все коллекции – за 20–30 процентов идут! В одну из первых моих поездок мы с негритянкой, живущей в Лондоне, упоённо выбирали туфли. Вместо одной пары каждая из нас выбрала по три! И сколько будет двадцать процентов от трёхсот или пятисот фунтов? Задача для женщин. Мужчины всё равно скажут: «Дорого!» На недавний вопрос моего бойфренда, но уже без классовой ненависти: «Сколько же, дорогая, у тебя туфель?!» – я с ходу ответить не могла, а считать было лень! Основные шпиль-

ки на работе! А также: «кэжуал», шлёпки, ботинки, сапоги, сабо, две пары кроссовок, кеды. И так далее. Для покупки туфель хороша Австрия: там делают мою самую любимую обувь! Можно целый день на умопомрачительных шпильках бегать. Первую пару я купила за защиту докторской диссертации всё того же шефа. Денег было или на туфли, или на платье. У меня была ответственная миссия: стоять на сцене и включать и выключать свет во время показа слайдов. Мало кто сейчас об этом помнит! Как же на сцену, да без туфель, которые тогда стали единственно выходными: естественно, лодочки, на шпильке, кремовые! Как утром надела, так уже ночью сняла, протанцевав весь вечер. Пронесила я их лет пять. Четыре года назад привезла из Вены, где была на конгрессе, пять пар, которые ношу до сих пор, правда, не единственные: ботинки, ботильоны, босоножки, туфли – и уже дома поняла: мало!

Испания, Португалия: красиво, мягко, стильно, но для меня – узкая колодка. Финляндия. На конгрессе докупила чемодан, чтобы вся купленная обувь поместилась! В воспоминаниях – лучшие сапоги первой молодости, купленные в аспирантуре. Но в первую же зиму мой бывший поставил в коридоре рядом с ними аккумулятор от машины, куда заливал кислоту. Было такое раньше развлечение по бедности, чтобы не покупать новый! Ядовитые капельки, неосторожно распылённые вокруг, разъели эксклюзивную пару на миллиметр! Я плакала. Но зиму – доносила. А где было взять другие в

эру тотального дефицита!

Что-то забавное можно купить из натуральной кожи даже в Египте.

В России, как и, поверьте, во многих других странах мира, встречаются по одежке. Только вот в шпильках на Эйфелеву башню лазить не надо! Не знаю: это у русских от долгого дефицита или по каким-то другим, даже мне, женщине, непонятным причинам?! Или от желания русских женщин в любой части мира быть готовыми продать себя?! Я, например, видела такую русскую в горах Черногории у монастыря в скалах. Так и она как туда попала по горной тропинке?! Как у Ильфа и Петрова: «Как он туда попал и чем питается – неизвестно!» За границей я ношу хорошую спортивную обувь, иногда дороже моих шпилек! А когда вижу в своём отечестве особу женского пола, ковыляющую по улице на шпильках сантиметров так за двадцать, не фирменных, всегда хочется спросить: «Ну сколько же тебе за это платят?!» – наверное, я не понимаю, что девочка «на охоте» с гримасой муки на лице и поднятая над толпой, но, увы, не на Олимп! Мои студентки уже всё чаще, как европейские, стали носить кроссовки и джинсы. И ходить без открытого пупка с пирсингом зимой! Всё же ползём понемногу к цивилизации!

Итак, место действия: Франция, Париж, Эйфелева башня. Время действия: начало XXI века. май, двенадцать часов дня. Действующие лица: толпы туристов, в том числе и русских, осаждающие достопримечательность, которая под-

тверждает своим существованием слова: «Нет ничего более постоянного, чем временное!» – башня, построенная для Всемирной выставки, продолжает стоять уже больше ста лет, но несмотря на бухтение французов, что она совсем даже не украшает Париж, и даже не только каким-то одним своим боком, но и полностью, стала без всякого маркетингового хода символом столицы Франции! Тоже мне, красotka!

Передо мной на ажурной лестнице – ноги, красивые, надо сказать, ноги на высоченных чёрных шпильках. Русские – не сдаются! Напоминаю: чугунная ажурная лестница! Где-то там, далеко-далеко над шпильками – стринги и что-то наподобие раздувающейся юбки и голос на русском, вещающий: «Ты мне бар обещал!» – капризно. И тут я вспоминаю фразу из одной так называемой «дамской» передачи: «Если вы будете ходить дома на шпильках – муж вынесет помойку к мусоропроводу!» – цитирую почти дословно! Опять сбилась на шпильки, а у самой под столом пар пять. И дома – не считала... Спутник длинноногой в шпильках, такой весь из себя: с цепью и крестом, пропищал: «Будет тебе, французский шампусик, зайка!» – обозвав моющим средством благородный французский напиток. В это время женщина увидела возжеленные столики и то ли от счастья, то ли от желанья попробовать исконно французский и безумно дорогой напиток, то ли от желанья вытянуть наконец гудящие ноги утроила скорость и закричала:

– Вот он! – Рванула к столику, расталкивая всех, буд-

то все столики Парижа будут сейчас заняты, плюхнулась на стул. Исконно советская, никак не искореняемая черта: занять всё, что можно, иначе не достанется. – Вот он! – тыкая пальцем в бар!

Кстати, в отдельных странах, например в Англии, это, то есть тыканье, вполне приемлемо! Не исключено что она, как и классик, просто любит завтракать на Эйфелевой башне, так как это единственное место, с которого она не видна?! Правда, я думаю, что даже для XIX века это большое преувеличение!

Французская обувь, если она не на заказ – а это мне не по карману, – не лучшая в мире.

Не были в Париже и не видели Эйфелевой башни? Не огорчайтесь! Один из мостов в Петербурге через Неву – плод, так сказать, труда того же инженера! Такая вот положенная на бок Эйфелева башня – это мост! Однако главным трендом города мост не стал, хотя и бегают по нему и люди, и машины, и даже иногда – лошади!

Финскую обувь в северной столице России не покупайте. Она в пять раз дороже, чем на её родине, которая, как известно, не за горами. И за новую модель выдают ту, что за границей на распродаже. Кстати, хотя это далеко не XXI век, о Петре I – большой любитель всего немецкого.

Признаться, немецкую обувь люблю и я, в том числе фирмы Salamander. История и обувь переплетались неразлучно. Надо же в чём-то ходить по разным местам! Так, при Иване

Великом ходили в сафьяновых и кожаных сапожках, шитых на Руси – и лаптях! Затем, с начала XVII века (недавно четырёхсотлетие отметили), пришла эра Романовых, которая длилась вплоть до февраля 1917-го. При Петре пошла обувь часто заграничная или нашими умельцами с их фасонов списанная: туфли – для людей с денежкой тонкие, кожаные или матерчатые, с каблучками разной формы, отдельные пары – с вышивкой, мужские часто с пряжками, домашние без задников, впоследствии превратившиеся в так любимые нами тапки, сапоги для господ и сапожки дамские! Всё это и сейчас надеть – загляденье!

В Таиланде покупаю только шлёпки. В Мексике и на Мальте – ничего. В Китае обувь плохая. Но не только для шопинга я путешествую!

Глава 3

Выстрелы под окном

Вернёмся всё же к событиям дня, когда я мечтала на кафедре спокойноенько выпить чашечку кофейку. Пока у меня прибирали – пробежалась по кафедре: всех проверила и выстроила, а теперь могу и спокойно улыбку стереть и кофейку хлебнуть! За окном раздались какие-то хлопки, и я подумала: «Петарды, что ли, за окном взрывают! Совсем расслабились студенты!» – и от любопытства бросилась к стеклу. За окном, наверное, километров под сто, стартовал белый «жигулёнок» – надежда российского автопрома. Именно белая шестёрка, как ни банально это звучит в фильмах о милиционерах и полицейских. «Негры, что ли, за рулём?!» – мелькнула мысль. Я сразу не догадалась, что мужчины в салоне были в масках. И тут из машины пальнули по окнам. Я успела отскочить, но всё же мелкие стёкла порезали мне руки, порвали колготы. Но всё, кроме шока, было так, царапины! Без стука открылась дверь, и тут заскочил наш охранник, тот самый, что не узнал меня, бледный, дрожащий, и прошептал: «Врачи есть?!» Фармаколог я, честно говоря, а не врач. Но всё же пошла за ним.

Под окнами стояла кофейно-зелёная машина, развозящая деньги. На земле лежала наша милая бухгалтерша, которую я чаще видела в варианте «портрет» в окошечке кассы. Она

была бледной, и под нею расплзалась лужа крови. Ну, оказывать первую помощь – жизнь научила! Я смело убрала с её бедер платье и пережала рукой кровоточащий сосуд на бедре. А она причитала:

– Как же я буду эти девять миллионов отдавать?! Где я их возьму?! – заныла. – Как же я буду эти девять миллионов отдавать?! Где я их возьму?! – повторила.

Успокоить её надо было быстро, и я сказала, уже усмехнувшись:

– Такие деньги уже не отдают! Вот если бы меньше миллиона – тогда хуже! – И это её почему-то сразу успокоило! Рядом, прижимая раненую руку, стоял охранник, так и не успевший достать оружие. Прибежал декан медицинского факультета. Увидел. Рванул к своей машине за жгутом и бинтом. Так мы и продержались минут двадцать-тридцать.

Первыми приехали собровцы. Командиру на вид было лет тридцать пять. На самом деле, как я узнала позже, ему было всего двадцать восемь. Он был среднего роста, в пятнистой форме, обезличивающей его, стриженный настолько коротко, что невозможно узнать цвет волос; со сдвинутыми бровями над несколько прищуренными глазами, что не давало возможности определить ни их цвет, ни даже выражение; с сильно сжатыми губами на неулыбчивом лице. Весь он напоминал пружину, зажатую сверху какой-то мощной рукой, что делало его как-то мельче и менее значительным. Забудься эта рука – и полетит он, направляемый энергией собствен-

ного тела, силой толчка – неведомо куда. И ещё неизвестно, в кого попадёт этот слепо несущийся снаряд, что натворит...

Смотрел он так, будто изучал сразу весь периметр. По этому взгляду, бросаемому как-то так через плечо, не поворачивая головы, осматривая полностью любое помещение, будь то купе поезда или зал кинотеатра, я узнавала всех мужчин схожих профессий. Взгляд его всегда был чуть исподлобья, при красивом высоком лбе с горизонтальными ранними морщинами. Как я узнала потом, смеялся он, стараясь не разжимать рта с выбитыми взрывом и вставленными зубами. От этой же травмы остался небольшой шрам между губ справа.

Этот мужчина в высоких зашнурованных ботинках с грубыми подошвами, с заправленными в них пятнистыми штанами и, в свою очередь, заправленной в штаны такой же тёплой курткой походил на пирата, пришедшего захватить корабль. Я лишь потом узнала, что пиратами были английские лорды, пекущиеся о том, чтобы обогатить своё гнездышко. Да, наверное, он и был современным флибустьером или его далёким потомком с горячей, достигающей точки кипения кровью. Всё остальное стало уже пресным и не грело его ещё молодые кости. Однажды на обследовании врач сказал ему, что для таких, как он, характерно особое строение надпочечников и большой выброс адреналина, и он наивно поверил, так как во всём, что было вне его виртуальной реальности боя, был совершенным ребёнком, оторванным от всего

мира. Он гордился этой своей избранностью, бесхитростно оправдывая ею все свои поступки. Адреналин – гормон воинов. Таинственный секрет надпочечников, не вызывающий заболеваний при его максимальном выбросе. Адреналин – нейромедиатор страха. В концентрационных лагерях натаскивали собак на его запах. Он пропитывал всё человеческое существо и, кажется, сочился через поры кожи. При его наличии, не поддающемся контролю, убежать от лохматых серо-коричнево-чёрных чудовищ с мощными клыками, беспрекословно подчиняющихся и натренированных, как никакие другие породы собак, могли не самые бесстрашные узники, а, наоборот, наиболее обессиленные и от этого уже тупо-равнодушные, которым судьба, вдруг соблаговолит, кидала максимум, что могла дать: жизнь. Одарив, снисходительно не интересовалась в своём величии и щедрости, что они будут делать с ней дальше. А дальше был в лучшем случае стройбат. В худшем – свои концлагеря. И если совсем повезёт – жизнь, которая чаще всего их не принимала, а они её.

Мужчина, как оказалось, был «вчерашним»: с бара. Но я тогда не узнала его. Да и не до него было. Вечером мне надо было уезжать на защиту моего диссертанта в Москву.

Глава 4

Купе

Вечером я сидела в купе. Настроение было не самым лучшим. Я строила своё дело, а мой партнёр по фармакологическому бизнесу и постели подводил меня. Теперь я, скрепя сердце, или что там ещё, ехала на его защиту в лице научно-го руководителя. Он должен был стать моим третьим защитившимся учеником, и после этого, соблюдая всю бумажную волокиту, я могла сделаться настоящим, не по должности, а ваковским профессором. То есть получить ту бумажку, которую не ликвидирует ни тюрьма, ни сума.

Мой подопечный – именно тот мужчина, который сейчас целится в меня из автомата, стоя на дороге, а на нас сыпется мелкий, колючий и очень холодный снег.

В начале нашего с ним романа я была свободным, бедным, но уверенным в себе молодым доктором наук тридцати пяти лет от роду. Принимала зачёт у ординаторов, среди которых был и он. Затем мы разговорились. А через пару часов всё закрутилось: и роман, и обсуждение его будущей диссертации. Потом мы почти дошли до брака. Много в любовнике было странного и пугало меня: патологическая страсть к сестре, ревность к её при мне появившемуся сначала приятелю, а затем мужу, патологическая страсть к деньгам, которые не хотели, как водится при этом, идти к нему.

Все они занимались карате: отец-военный, мой приятель, сестра-студентка и её муж. Бойтесь людей, которые осваивают восточные искусства борьбы, особенно если это не связано с профилем их работы! Всё в жизни накладывает свой отпечаток. А такие увлечения – меняют душу, делая человека совершенно другим: изворотливым и лживым. Без этого – не выиграть! В секцию в десять лет его отвёл отец. Через год мальчик почти потерял зрение. Потом он отвёл его младшую сестру. Когда она выросла, то выясняла отношения с отцом при помощи ударов ног. Я хотела и сама пойти в секцию. Но он сказал мне: «Ничего не выйдет. Не тот характер!» Действительно, «не тот характер».

Теперь он, стоя на раздолбанной дороге, целился в меня из автомата.

С сестрой они подсчитывали, какое наследство останется от совсем ещё молодых родителей, когда они умрут! Как они продадут всё это и заживут роскошно! Был циничен. Однажды я спросила его: «Сколько стоит женщина?» «Бутылка вина и коробка конфет!» – ответил он не задумываясь. Себя я ценила несравненно больше.

Однажды выпив, начал плакаться:

– У меня давно нет заказов!

– Каких? – удивлённо спросила я.

– На людей... – протянул он.

– В смысле? – не поняла я.

– Убрать! – И тут я догадалась, а догадавшись, сразу по-

верила, что он был киллером.

– И сколько? – уточнила я.

– Могут дать до тысячи долларов. Но нет давно заказов! – грустно ответил он.

В то время я сама ходила с незарегистрированным пистолетом. При этом как-то не до конца поверила в сказанное знакомым киллером. Но ничего не проходит бесследно. И вот мы стоим друг против друга. Узнал ли он меня при его столь плохом зрении?

На предзащите его кандидатской диссертации он невпопад и неправильно отвечал на все вопросы. Я злилась, а потом жестоко взорвалась:

– Я понимаю, что ты слеп! Но не глух же! – кричала я в нашем гостиничном номере, оплаченном мной.

– Прости. Я ничего не слышал... Я оглох от волнения! – почти прошептал он.

Глохнувший от волнения и почти слепой от занятий боевыми искусствами, мой бывший любовник целился в меня из автомата! Потрясающе!

Я вспоминала.

На новое место работы он поехал в надежде на большие заработки, а больше от ревности к мужу сестры, которую любил как-то даже болезненно, с оттенком инцеста. Ещё от хотел доказать, что что-то представляет без отца, настаивавшего на объединении семьи под одной крышей. Он сильно, как к родному, привязался к моему сыну, и я очень ценила

это. Но вскоре после переезда наша пара начала постепенно распадаться. Где-то замаячили признаки каких-то девочек-студенток. С одной из них он занимался сексом прямо в анатомке, рядом с заформалиненными и препарированными трупами, так как ночью там никого не было, а в общежитие, где он жил тогда, посторонних не пускали. Предпоследней каплей в наших отношениях было то, что, когда я купила старую «Бэу», он был несказанно уязвлён, что водить её буду я, а не он. Последней песчинкой, бабочкой, пушинкой, перевесившей всё, были его слова: «Ты даже деканом стать не смогла!»

Да. Не смогла. Хотя и представляли в министерстве как будущего декана. Хотя и смотрели на меня все так. Будущему декану купила место одна из группировок в надежде на помощь при поступлении. Не банды, естественно, а их деток, которые есть у всех! Но к этой кормушке его не допустили. Данная история закончилась через много лет, когда опекаемый деканом студент, став врачом, убил в приёмном покое подвыпившего пациента, который неадекватно обошёлся с его фавориткой. Этот видеоролик несколько дней крутили все СМИ страны.

Я изгнала своего приятеля-киллера из своей постели и дома. Когда забрала у него ключи от квартиры, он был необыкновенно оскорблён. Люди не понимают, что мягко, без скандала, с улыбкой на губах можно и убить! Что страшнее всего не крик, а спокойная, презрительная улыбка! Я всегда бо-

ялась таких, понимая их убийственность. Но надо было завершить все дела. Это было мерзко, больно, неприятно, но необходимо. «Работа – превыше всего», – этот лозунг спасал в сложных ситуациях. Потом, когда мы расставались, он сказал мне, как бы в назидание, две вещи: «Не ругай сына за то, что будет курить. А себя за то, что будешь платить любовникам!» Он не угадал: сын не курит, а меня любят не за деньги.

Но я забежала немного вперёд. В тот день я сидела в купе и ехала на нашу защиту. Как я тогда выглядела? Узкая, цвета хаки юбка из джерси, обтягивающий свитер из той же ткани. Волосы до плеч. Презрительно скривлённые губы. Детектив в дорогу. Стройные ноги, так как большие психические нагрузки требовали таких же физических в виде забегов и заплывов. В целом: стерва и супермодель в одном лице.

Они вошли, ввалились, заполнили купе: пять мужчин, двое из них были в «камуфляже». Один из них – тот самый, из бара и моей работы. Ватага с водкой. Как-то многовато для меня! Капитан произнёс слова, своеобразные для первого знакомства: «Мы вообще-то хорошие. Просто день сегодня такой!»

Мне, как водится, налили. Я, как положено, не отказалась, но тихонько вылила водку на пол. Они, как принято, повторили. Я, как решила, не протестовала, но отставила пластиковый разовый стаканчик. Мужчины, достаточно глазастые, увидели. Но, как положено культурным мужчинам с хорошей «выучкой», больше не предлагали. Сколько прошло:

пять минут, десять? Капитан успел выйти вместе с другим мужчиной в камуфляже. Как я потом узнала, они «перетёрли» отношения после какой-то большой ссоры. Когда они вернулись, он решительно заявил мне:

– А номер телефона дадите?! – Это была вторая фраза, которую я услышала от него.

– Дам. Записывай! – неожиданно для себя самой произнесла я.

– Запомню! – ответил он.

– А твой?! – необычно быстро перешла я на «ты». При этом у меня, позор для деловой женщины, не оказалось самого маленького-премаленького блокнота в сумке. Я записала его номер телефона на обратном билете. Потом всё боялась именно этот экземпляр отдать проводнице.

– Я позвоню? – спросил он.

– В понедельник, в двенадцать, – вычислила я то время, когда должна была быть на работе.

Всю неделю, как о фантастическом призе, я думала о нём. Начиналась новая веха в моей жизни, но тогда я ещё не понимала этого. Эпоха богини Любви. Одну из первых известных современным историкам у древних шумеров звали Иштар. У аккадцев и в Вавилонии, как я позже узнала из книги «Сэнсэй IV», имеются сведения, что эта дева – «владычица небес» – была реальной женщиной, которая сделала свой выбор в сторону Духовного начала и ей выпала честь употребления формулы Первичного Звука – Грааля. Она даже после

смерти помогает людям, ищущим духовную истину.

Глава 5

Анджелина Джоли и другие красотки

Поездка в Москву была тяжёлой. Ещё за два дня до неё мы с моим диссертантом переклеивали фотографии в пяти экземплярах работы. Он очень стремился во всём к внешнему совершенству. И это избыточное стремление, как заведено, подводило: микрофотографии не соответствовали подписям. А компьютеры тогда были ещё не столь совершенны. Наши отношения были напряжены до предела, вернее, они уже не существовали. Важная фраза, переделанная мною из «Война – войной, а обед по расписанию!» в «Война – войной, а дело – делом!», – и она никогда не подводила меня, как бы тяжело мне ни было переступить через личные отношения! На защиту этой диссертации были затрачены большие усилия. Важен был и принцип, которому меня научила моя бабушка: «Если ты ругаешь при посторонних своего мужа, то ты – дура! Если ругаешь хорошего мужа – дура! Если ругаешь плохого – то дважды дура, что вышла за такого!» Этот принцип я всегда распространяла на окружение: о моём муже никто не знал ничего плохого до развода, и окружающие были страшно поражены тем, что случилось. Я никогда не ругаю подчинённых ни при коллегах, ни при начальстве. Я никогда не подставляю диссертантов, что бы ни происходило. Не нарушила я этот принцип и тогда. А в этом случае я

ещё и получала профессора.

Сейчас я стою на дороге под пронизывающим ветром. Снег уже не идёт. Улыбается ли он сейчас той своей мерзкой улыбкой? Не пойму: уже солнце, выступившее из-за туч, слепит глаза. Я – отличная мишень для стрельбы. Но не думаю об этом и вспоминаю свою жизнь. Вернее, самую главную её историю.

В Москве улыбалась, как могла! Отыскала в Кремле место, где, предположительно, располагалась первая на Руси аптека. На Лобном месте стоит не деревянный, а каменный помост. Сходила к храму Василия Блаженного: нет рва вокруг Кремля, но по-прежнему стоит величественный храм, возведённый по приказу Ивана Грозного, хотя и закрыт в него вход. Я погуляла немного – и настало время двигаться в университет на защиту, куда приехала и мама моего диссертанта. Знает ли она, где он сейчас? Знает, но, как всегда, – молчит, подавленная своим мужем. Разве что, как и всегда, тайно взяла у него деньги и дала их сыну, и на этот раз – для военной экипировки. А быть может, два поколения воюют вместе?

Я переделалась в длинное чёрное платье в примитивном туалете университета и там же подкрасила свою мордочку. Вошла в зал диссертационного совета, который, несмотря на относительную новизну корпуса, был уже достаточно обшарпанным. Поздоровалась, поулыбалась. И – полилось дело! Секретарь понарасказывала о диссертанте: и университет

он закончил, и все справки о нём правильные-преправильные, и сам он всем хорош – и работает, и преподаёт, и работодатель о нём сверхположительно отзывается, и диссертацию со статьями написал! Всё так, кроме того, что диссертацию написала я сама!

А ведь степени не лишают даже за убийство: ни в прошлом, ни в настоящем! И даже своего руководителя, прописанного в диссертации, автореферате и во всех документах! В последующем он не смог нострифицировать свою степень на Украине, так как его отец пожалел на это денег для членов аттестационной комиссии, а сам он их никогда и не имел. В день защиты он был в чёрном костюме, который ему шёл (да и кому из мужчин не подходит хорошо подобранный костюм?), в белой рубашке и чёрном галстуке. Взошёл на трибуну, и переплелись слова во фразы:

– Воспалительные процессы глотки играют особую роль. При этом первое место занимает инфекционное поражение нёбных миндалин – острый и хронический тонзиллит. В развитии этих заболеваний важное значение имеет состояние местной и общей реактивности организма и длительное воздействие содержимого лакуны на паренхиму миндалин. На фоне ослабления защитных сил организма возникают патологические реакции системного иммунитета, осуществляемые гуморальными и клеточными факторами и влияющие на весь организм в целом. В настоящее время в связи с ухудшением условий жизни, питания населения, удорожанием ле-

карственных препаратов, нарушением работы системы диспансерного наблюдения и лечения больных с острыми и хроническими ангинами участились случаи возникновения паратонзиллярных осложнений, в том числе паратонзиллитов. В связи с этим целью нашего исследования явилось изучение морфологии нёбных миндалин у больных хроническим декомпенсированным тонзиллитом, осложнившимся развитием паратонзиллита, с использованием современных морфологических методов исследования для определения сроков и выбора метода лечения этой категории больных. Разработанные нами фармакологические подходы значительно улучшают общую картину заболевания... – И так далее. С графиками, схемами, рисунками – на двадцать минут.

Затем было выступление оппонентов. С одной из них, которой сейчас хорошо за восемьдесят, я дружу до сих пор. Она весела, энергична, до сих пор танцует на наших тусовках. Блестящий учёный, владеющий несколькими языками, её статьи могли бы украсить любые европейские журналы, но она слишком скромна, чтобы посылать их туда. А в России её работы про фармакологические воздействия на иммунодефициты, в том числе и на ВИЧ-инфекцию, почти не публикуют. И не понимают, и завидуют – в одном флаконе. Один из редакторов, имеющий ранг академика, как-то спросил её: «А за границей это уже кем-то опубликовано?» «Нет!» – честно ответила она. Статья не была принята к печати при двух отрицательных отзывах людей, которые в этом

ничего не понимают! Вот так, и нередко, бывает в науке, и не только в отечественной! Как и мне написали когда-то в рецензии на статью: «Данные не соответствуют устоявшемуся мировоззрению». И всё! Я до сих пор так и не опубликовала ту статью по начальным моим исследованиям, посвящённым влиянию определённых препаратов на опухолевый рост.

Спустя много лет мы с ней после одного из заседаний зашли в «Шоколадницу», и она посетовала, что, как всегда, москвичей испортил квартирный вопрос и она не может пригласить меня домой, так как на время ремонта квартиры дочери, причём на её, матери, деньги, все живут в её доме: дочь, неработающий зять, внучка и кот. И разоткровенничалась, пожаловавшись, что дочь устроила ей скандал, когда она отказалась съехаться навсегда, и кричала, что, может, она ещё доживёт до девяноста лет, как её бабушка, и ей тогда, почти в семьдесят, не нужна будет квартира! Она плача, ночью, с первым в своей жизни гипертоническим кризом, нажимая на руках на все активные точки, о которых узнала, побывав в Китае и изучая нетрадиционную медицину, до утра бродила по Москве. А теперь она копит деньги на похороны, работая на полторы ставки, чтобы не обременять своей смертью кровных родственников. И в глубине души не доверяя им, что они её похоронят по-человечески. Короля Лира никто не отменял! Любимые детки часто готовы забрать всё, даже не дожидаясь смерти родителей и не переживая из-за этого! И не только москвичи. Я вспоминаю индийско-

го владыку, который построил Тадж-Махал как белоснежную мраморную гробницу, отделанную драгоценными и полудрагоценными камнями, которые пощадили даже захватчики-англичане, выковыривающие камни из всех памятников. Он начал на другом берегу реки строить другой, для себя, из чёрного мрамора, но успел возвести только фундамент. Детки ограничились на двадцать лет, до смерти, на территории его же дворца его свободу. И из окон его комнаты был виден только угол гробницы, где похоронили впоследствии и его самого. Нет уже и деток, и внуков, и правнуков, и праправнуков – потомков монголов, правивших тогда. Стоит лишь, паря над древней столицей Агрой, волшебное строение из облаков, кружев, мечты, любви, и летают возле него парами орлы, прыгают обезьяны, живут зелёные попугаи и белые ибисы и идут нескончаемым потоком люди – посмотреть на это рукотворное чудо. Слава творцам и влюблённым!

Защита продолжалась. Дошли и до моего выступления как руководителя. Председатель учёного совета, который назвал меня «звёздной девочкой», сказал:

– Профессор у рояля! – причём на весь зал сказал. Шутить тогда было можно: защиты шли не под видеокассету.

Мой партнёр сидел рядом собранный, как перед боем. В этом он знал толк. С бесстрастным лицом бойца восточных единоборств, с широкими плечами каратиста под пиджаком – мой будущий убийца, направляющий на меня автомат. Я выступила, также всячески похвалив его. После действия

нас пригласили к столу, который организовал другой диссертант. Мне было неловко, что мы материально не поучаствовали в этом, но не моему новоиспечённому кандидату наук.

Однажды, ещё до этих событий, он, сопровождая меня на банкете, попросил официанта перед своим уходом – а он не стал дожидаться меня – собрать приличный свёрток еды для себя. Об этом я узнала уже спустя много лет. А в тот день за столом я завела новых друзей, с которыми долго была близка.

Вслед за фуршетом мама с сыном ушли праздновать к знакомым, не позвав меня, руководителя, что было уже за пределами приличия! Я же, в вечернем платье, с наброшенной на плечи шубой, с шикарным букетом белых роз, подаренных его родительницей, поехала по зимней Москве к подруге зализывать раны.

У меня в альбоме есть фотография, которую я сделала после защиты. На ней он, высокий и стройный, стоит в дешёвенькой кожаной куртке, с чёрным шарфом под ней, прикрывающим несвойственную ему белую рубашку, которую я купила к защите. Из-под воротника видна длинная шея. Лицо в анфас. Запечатлённое ухо немного торчит. Губы растянуты в удовлетворённо-циничной улыбке человека, у которого исполнилось большое, быть может, самое главное желание. Глаза, смотрящие на меня, прищурены, как у всех плохо видящих людей. Длинный нос несколько неправильной формы, так как был не раз перебит. Коротко подстриженные

тёмно-русые волосы, которые чаще он сбрасывал наголо, чтобы за них нельзя было ухватиться в борьбе. Он их лишь на пару сантиметров отпустил к защите, сформировав и чубчик, незначительно прикрывающий залысины рано начавшего терять вихор мужчины. Наверное, сейчас он лыс, но из-за шлема я не могу удовлетворить своё любопытство. Когда-то он мне казался образцом красоты, но теперь я не понимаю: почему? На фотографии в крупных кистях рук со сбитыми специфическим образом костяшками – незажжённая сигарета. Рядом – моя фотография на трибуне. На не очень чётком снимке, сделанном в тёмном помещении, виден лишь поясной портрет тоненькой женщины в чёрном ажурном платье. Зачем я храню эти фото? В частности, потому что я в ладу со своим прошлым и не выбрасываю его из своей жизни, а могу лишь задвинуть в дальний ящик альбом, как и память о прошлых годах. И всё вытекает одно из другого. А та поездка подарила мне Моего Героя с хрустальными глазами. И именно о нём моя история, к которой я приступаю так постепенно.

Я, роскошная, но одинокая (диссертант остался с мамой), вышла с букетом роз и спадающей с плеч шубой, которую я так и не надела, из такси на вокзал, заносимый снегом. Проходящий мужчина решил срочно познакомиться, но я гордо прошла мимо: не каждый же день разговаривать с незнакомыми мужчинами! В поезде я думала об одном: «Мне позволит мой флибустьер!»

Была ли это любовь с первого взгляда? С моей стороны, безусловно, нет. Но я так нуждалась в защите и нежности!

Понедельник: девять, десять, одиннадцать, двенадцать, час! «Не больно-то и хотелось! – подумала я. – Пойду... Нет, не напьюсь, а в бассейн!» И ушла! Когда зазвонил телефон, параллельную трубку в преподавательской взял мой доцент.

– Позовите... Э... Девушку! – отдал распоряжение командный тон в трубке.

– Какую? – ехидненько спросил мой доцент, до конца не выдрессированный ни мной, ни женой, хотя она была в наличии, ни армией.

– У вас работает... – уже чуть неуверенно ответил голос в трубке.

– Кем? – развлекался мой Доцент.

– Не знаю! – уже, повысив голос (и не знал мой доцент, что такое настоящая злость этого голоса), ответил он.

– А что знаете? – уже откровенно хихикал доцент, подмигивая другому преподавателю.

– Могу описать! – твёрдо заявил голос.

– Опишите! – потребовал, как от студента, мой доцент.

– Такая... сексуальная! Со стройными ногами, длинными волосами, большими глазами! – радостно отрапортовал голос.

– Анджелина Джоли?! – давясь смехом, переспросил мой коллега.

– Да при чём здесь Анджелина! – зло ответил его собесед-

ник.

– Таких, как вы описываете, только две: Анджелина Джоли и...

– И?! – уже теряя терпение, спросил голос. И его поняли, осознав угрозу даже по телефону.

– И – наша заведующая! – наконец завершил мой доцент.

– Позовите! – уже властно потребовали на том конце провода.

– Только через час! – заискивая, сказал преподаватель.

Мой доцент несколько странный человек. Например, переехав из другого города, он спросил меня:

– Сколько вы тратите стирального порошка?! – заинтересованно.

– Ээээээ? – я растерялась.

– Здесь порошок дешевле, но вода менее мылкая! – попробовал объяснить он.

Потом я позвонила своей приятельнице и спросила:

– Сколько ты тратишь стирального порошка?! – заинтригованно.

– Ээээээ? – ответила она, в свою очередь растерявшись.

Но потом, спохватившись, добавила:

– Как это?

– Здесь порошок дешевле, но вода менее мылкая! – объясняю я.

– Ты сбрендила?! – спросила она прямо.

Прошёл час, и даже полтора. Я пробегала через коридор,

и меня позвали:

– Вероника Викторовна! Это вас! – сказал мой доцент и добавил, – Приятный мужской голос!

Мне стало вдруг как-то неловко. Тем более, что я сразу догадалась, кто это звонил. Сделав каменное лицо, я с начинающими краснеть щеками пересекла комнату и взяла трубку:

– Вас слушают, – сказала я официальным голосом для посторонних.

– Вика?! Давно не разговаривали! – это действительно был он.

– Да... Неделю, – без интонаций ответила я.

– Давай встретимся сегодня, – не предложил, а констатировал он.

– Перезвони мне через пять минут! – И быстрее уже в свой кабинет! Опять зазвонил телефон. И говорит не слон – ОН!

– Ты? – спросила я.

– Я! – ответил он. И добавил:

– Встретимся?

– Почему бы и нет! – почему-то фальцетом выпалила я.

– Освобождаюсь в восемь. Я к тебе подъеду? – от этого нахальства мой голос зазвенел, и я ответила уже почти обиженно:

– Ты спрашиваешь так, будто хоть что-то знаешь обо мне!

– Кое-что... Работа такая! Знаю, что ты живёшь одна... – проговорил он.

– Я не приглашу тебя к себе домой! – резюмировала я, уже почти взрываясь – холерический темперамент.

– Боишься? – поддел он, и, попавшись на это «слабо!», я всё же взорвалась:

– Ничего я не боюсь! Просто ты, не обижайся, пока мне совершенно чужой человек!

– Не чужой... – выговорил почти с болью и продолжил. – Так я подъеду. В восемь. Там рядом с тобой есть памятник...

– Какой? – спросила удивлённо я.

– Ты шутишь?

– С какой стати! Ах да! Забыла... Действительно есть памятник! – сказала я, немного растерявшись.

– Во что ты будешь одета? – прозвучало как вопрос на опознании.

– В рыжую дублёнку, – ответила, подумав немного.

– Я буду на машине. На «Опеле» или «ВАЗике», – констатировал он.

– Ну и разброс же у тебя! – уже веселее зазвенела я.

– Не хочешь к тебе – поедem в сауну! – продолжал он, не ответив.

– А как же конфетно-букетный период?! – уже кокетничая, ответила я.

– Будут и конфеты... И букеты! Так поедem? Это не обычная сауна! – уже просил он. А он, как я узнала позже, умел упрашивать, причём довольно быстро!

– Поедem! В чём необычная?! – заинтересовалась вдруг я,

думая совсем о другом: ну сами взрослые, понимаете, о чём думает женщина, приглашённая на первое свидание в сауну!

– Увидишь! Что ты пьёшь? – поинтересовался он.

– Всё, кроме водки. Но предпочитаю красное вино, – ответила я, механически.

– Так до восьми! – Гудки в телефонной трубке!

– Вероника Викторовна – постучалась моя уже крайне пожилая ассистентка.

– Вы, деточка, извините, что я вмешиваюсь, как я вижу, меняете стиль жизни! – прокомментировала дама в сером. – Ну и правильно! Хватит вам киснуть. И вообще, военные – это так сексуально! К тому же они умеют ухаживать, как никто. Когда я заканчивала институт, за мной ухаживал курсант лётного училища. Представляете, однажды он изменил график полёта, чтобы, когда я выходила с лекции, сбросить мне с неба цветы. Всё было так необыкновенно! Нам все так завидовали.

Как известно, все узнают тут же, что бы ни происходило с начальством!

– И что было потом? – спросила я.

– Моя подруга переспала с ним, просто так, из зависти. А потом рассказала мне. Я их простить не могла...

– А что было после этого? – вдруг заинтересовалась я.

– Я уехала. А они поженились...

– А затем? – опять спросила я механически, думая о своём, о девичьем.

– Не знаю. Меня никогда не интересовало, что происходило в той части жизни, где меня уже не было, – ответила моя ассистентка.

Глава 6

Свидание в сауне

Дела я в тот день закончила с особой, рекордной скоростью. Накинула на себя рыжую дублёнку и почти выбежала на улицу. В восемь я была уже возле дороги. Но вместо того, чтобы смотреть на неё, задрала голову и увидела громадную жёлтую луну, кружащую головы и океаны, создающую приливы. Звёзд почти не было: их заменяли фонари. Один, вполне изящной формы, с ковкой, висел у аптеки, возле которой я стояла. Здесь работала моя студентка, которая, даже получив у меня двойку на экзамене, пробовала давать мне советы, что мне у неё покупать! Но я вспомнила не её, а блоковское, в этом заматаемом снегом городе, когда не поймёшь: Питер это или совсем другой город? Эти стихи даже чем-то близки мне по специальности: «Ночь, улица, фонарь, аптека...»

На противоположной стороне дороги у обочины, занесённой выпавшими осадками, стояла серая иномарка. Кто сидел за рулём – видно не было. Он, Мой Герой, с непокрытой головой, на которой таял снег, в форменном полушубке МВД, курил, стоя прямо на дороге. Я сделала шаг – и провалилась в сугроб. Флибустьер увидел, заулыбался и бросился извлекать меня, приподнимая и отряхивая. Потом поставил меня на расчищенный тротуар, и мы смутились. Он от-

крыл заднюю дверь в машине, а сам сел на переднее пассажирское сиденье. Остановились мы у «стекляшки». Ребята вышли вдвоём и вернулись с двумя бутылками пива «Балтика № 9». Я ахнула про себя: программа с вином, фруктами и конфетами уплывала. И дело было даже не в этом: спросить и поступить наоборот. Пиво я не пила.

– Я включу музыку? – спросил он.

– Включи... – как-то нерешительно ответила я.

– Мы закурим? – опять почти утвердительно, но с напряжением.

– Курите... – сказала я как-то совсем безвольно, бесцветным голосом.

– Не куришь?! – он, перейдя на «ты». Да я и не возражала!

– В этот период жизни – нет! – ответила.

– Обычно женщины не выносят ни первого, ни второго! – обрадовался парень за рулём и так хорошо при этом улыбнулся!

Мы выехали за город. Они о чём-то не совсем понятном мне разговаривали между собой. Стало темно и как-то неуютно. Вокруг дороги мелькали даже не деревья, а их контуры. Я подумала: «Никаких вольностей я не позволю! И, собственно говоря: куда мы едем?»

Похоже, оба они были неплохие психологи. Словно в ответ на мои мысли мужчина за рулём сказал:

– Не волнуйтесь... Мы едем на базу! – Будто это могло утешить. Какая-то там база: не то с фруктами, не то с кир-

причинами. И добавил, – И мы вполне интеллигентные. Только работа такая, – Похоже, это была у них общая любимая фраза. Они стали вспоминать только для них одних понятное и смешное, что было вчера с установкой машин. Затем обсудили чемпионат по какой-то борьбе. Казалось, что я полностью перестала существовать для них. А они просто дали мне время освоиться: ведь человеку надо время, чтобы привыкнуть к чужой ауре, голосу, запаху. Как собаке и любому другому живому существу. Только мы не всегда осознаём это.

И действительно: вместо того чтобы обидеться на отсутствие общения со мной, я вдруг прислушалась к голосам, принохалась, сама не осознавая этого, расслабилась и стала смотреть на оставляемые машиной деревья. Мне стало так спокойно, как давно уже не было ни с кем, и я чувствовала себя защищённой. Пахло, несмотря на сигаретный дым и старые, местами прожжённые сигаретами чехлы на сиденьях, чем-то чистым и ясным. Совершенно не было чувства, что я ехала на свидание на какую-то базу, да ещё и в сауну какую-то необычную. Тогда я ещё не осознавала, что это тот мужчина, за которым я готова буду пойти хоть босиком по скользким камням и горящим углям на край света. Только где он, этот край света? А по асфальту без обуви не ходят, а больше ездят в машинах!

Недавно он снова приснился мне. И я даже услышала звонок в дверь. Встала, хотя и понимала, что никто не побеспокоит меня теперь за полночь. Босая и голая, тихо подошла к

двери, не выдавая своего присутствия, как учил он в целях безопасности. Посмотрела в глазок. За дверью, естественно, никого не было. А, может, всё же он приходил, а я проспала и не успела?..

Позже я узнала, что это были профессиональные соревнования полицейских по боксу в Англии, и мужчина за рулём их тогда выиграл. И совсем потом – потом, когда он уже был «на гражданке», его, даже не знаю за что, пробовали убить. В рукопашной впятером не справились и – застрелили! Соль земли нашей...

Но вернёмся к событиям почти двадцатилетней давности. Железные ворота в заборе, огораживающем неизвестно какую площадь, раскрылись при приближении: нас ждали. Во дворе стояла военная техника, в которой я не разбиралась, но мой бурный восторг вызвала мысль: что если на такой самоходке проехаться по городу! Вдруг стало легко и весело. Мы вошли в помещение. В сауне было чистенько и пусто. А так – обычно.

– Ты в святая святых! – сказал он с придыханием.

– В сауне?! – съехидничала я.

– На нашей базе! Сюда не просто женщине – любому постороннему вход воспрещён! – ответил он обиженно, как маленький ребёнок.

– Получается, что я не любая?! – уже звенящим голосом спросила я.

– Конечно, не любая! Ты – моя женщина! – гордо.

– Я – ничья! – ответила я возмущённо.

– И это уже хорошо! Есть ли у тебя тапочки? – заинтересованно.

– Спрашиваешь! Я самая завязанная в мире саунистка! – А он посмотрел на мои ноги, таким «мужским» взглядом: снизу – вверх, и ответил, улыбаясь одними губами, с небольшим шрамом между губ, справа:

– Я в этом был уверен, – низким голосом.

Было чисто и тепло, особенно с мороза. В большой комнате был постелен зелёный палас. Стояло два, правда несколько уже поиздержавшихся, кресла и столик, на который он поставил пиво. Он снял полушубок и стал убирать оружие. Я взвилась:

– Послушай! Дай посмотреть! – радостно заверещала я. – Не жадничай! – И попробовала отобрать пистолет. – Дай!

Он вынул обойму – и протянул мне. Пистолет приятно лёг в руку.

– Как всё же тебя зовут?! – с большим запозданием спросила я.

– ...! – как будто это само собой разумеется – представляться через неделю после знакомства. Я не буду называть его имя: не хочу менять его. Пусть он просто будет: Мой Герой. Ведь он действительно был Героем!

– А меня... – решила наконец представиться я.

– Я знаю. Вероника! – сказал Мой Герой.

– Работа такая?! – ехидно спросила я.

– Ну да. Всё же давай париться, – ответил он спокойно. И, повернувшись ко мне спиной, стал полностью раздеваться, аккуратно складывая одежду на кресло.

Мне досталось второе, но я замоталась полотенцем. Когда мы вошли в сауну, он сказал:

– Какая ты красивая, Анджелина! – внимательно посмотрев на меня.

– Вероника! Можно Ника. Кто это – Анджелина?! – спросила я, осознав, уже спрашивая, что между мной и кинодивой действительно есть определённое сходство.

– Анджелина Джולי. Не ревнуй! Ты – лучше! – вспомнил он то, о чём я тогда не знала, и улыбнулся совсем не голливудской улыбкой, почти не разжимая губ. Справа между ними был заживший рубец в несколько сантиметров, который мне смутно напоминал о ком-то. Но что это мой дед – я вспомню нескоро.

Я села на ступеньку ниже его. Приятно пахло свежим деревом.

После третьего захода и чинного обмывания в разных кабинках душа, не клеившегося разговора с хихиканьем, сидения в полотенцах в ветхих креслах мы опять пошли париться. Он вдруг начал целовать меня прямо в сауне. Я ощутила слабый вкус лука, но как-то надо было перенести и это, и ощущение совершенно чужого мужчины, к которому ничего пока не испытываешь. Мы парились и ещё и ещё возвращались друг к другу: он всё в большем восторге, а я как-

то почти механически, жалуясь себе самой на почти полное равнодушие к происходящему. Потом я дотронулась до его руки.

Я до сих пор помню его руки: красивой формы, с не очень длинными, но поразительно чуткими пальцами сапёра и любовника. С мускулистыми сильными предплечьями, обтянутыми белой эластичной кожей, под которой пробегали голубоватые, не обезображенные атеросклерозом сосуды. Его запястье выглядело почему-то совсем не защищённым. А женский инстинкт – сберечь слабое! И я дотронулась до него, после чего весь мир вокруг меня перевернулся и пропал где-то вне нас. Я до сих пор помню его руки, хотя прошло уже столько лет!

После этого мы пили пиво, к которому наконец от жажды притронулась и я, хотя оно никогда не нравилось мне... с детства. Удивляет такой поворот? Я это о пиве. У моей мамы не было молока для кормления, и папа каждый день приносил его от кормилицы. Я пила, затем полчаса орала и засыпала часов на пять. Однажды он пришёл раньше и увидел, что на столе у женщины стояло бутылок пять из-под пива. Оно ведь молокогонное! Бизнес есть бизнес! Позже приехала из деревни бабушка, и меня перевели «на корову». Родителям стало ещё тяжелее. Центр города, пятый этаж, лето, отсутствие холодильников в ту эпоху развитого социализма. Папа потихоньку подсыпал в молоко соду, чтобы оно быстро некисло. Потом я выросла и испытывала отвращение к это-

му пенному продукту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.